

Ванфу повсюду пестрел самыми разнообразными разноцветными фонарями. В отражении лунного света они казались искрами, рассыпанными по черному бархату занавеса, и ярко сияли.

Из заднего двора доносился шум и веселый смех.

Его стражники, включая Тан Ли, пили вино и любовались луной, ведя себя донельзя шумно и развязно.

После того как Суй Мухань отправился во дворец Цзычэнь, императорская стража вытолкала У Юя и Тан Ли за ворота. Поскольку государь не жаловал Суй Мухань, да и в залах суда тот не пользовался авторитетом, к его подчиненным закономерно относились без всякого уважения.

Изначально Тан Ли планировал поджидать вана у дворцовых ворот, но после стольких тягот и дорожной суеты глупо было отрицать усталость. Бессмысленно торчать там тоже не имело смысла, к тому же уже поздно, и сегодня Суй Мухань, скорее всего, останется ночевать во дворце.

У Юй как раз не знал дороги обратно в Ванфу, и Тан Ли вызвался проводить его, заодно решив выкроить минутку для отдыха и тоже вернуться в резиденцию.

По пути они увидели, что улицы пестрят яркими праздничными огнями, и подумали, что сегодня ведь праздник Середины осени, а на улицах слишком уж пусто, поэтому и накупили этих фонарей. Вернувшись в Ванфу, Тан Ли тут же зазвал всех отгадывать загадки.

Если ван вернется позже и увидит, как мы тут бесчинствуем, не перерубит ли он нас всех? — с тревогой в голосе произнес один из стражников.

Кхм... Среди нас есть тот, кто только что совершил великий подвиг. Если зачинщик он, ван, пожалуй, сможет проявить снисхождение... Скажи ведь, У Юй, ха-ха-ха... — наполовину в шутку произнес Тан Ли.

У Юй мысленно выругался: кто, черт побери, выпил больше всех вина и напрочь забыл о том, что нужно идти встречать вана у дворцовых ворот?! И еще хватает наглости перекладывать вину на других!

У Юй скосил глаза, залпом осушил остатки вина в чаше, поднялся и бросил: Я пойду к себе, а вы продолжайте.

.....

Суй Мухань от природы был холоден и надменен, в делах же — жесток и беспощаден, так что подчиненные одновременно уважали его и боялись. Стоило кому-то затронуть его за живое, и

последствия становились непредсказуемыми.

Но для У Юя, похоже, делалось исключение.

Окружающие никак не ожидали, что У Юй вот так неожиданно ретируется. Теперь, когда козел отпущения сбежал, продолжать пить ни у кого больше не было настроения. Все поспешно собрали со столов вино и фрукты и один за другим разошлись по комнатам.

Суй Мухань молча стоял в тени за углом, не показывая себя. Лишь когда во дворе не осталось ни души, он вышел.

Он отрешенно смотрел на один из фонарей, а в памяти всплывал тот самый, что отец подарил ему в детстве на праздник Середины осени, и ему вдруг показалось, что они невероятно похожи.

После того злосчастного покушения в день его шестого дня рождения, когда все круто изменилось, император начал все больше отдаляться и отстраняться от него. Суй Мухань страшился и ненавидел самого себя такого, постепенно закрываясь от всего мира.

Суй Уя больше никогда не ступал на Гору Гунъюн, а то поле Травы Лунной Души казалось давно забытым...

В десять лет Суй Мухань едва не лишился жизни. Чудом выжив, он в тишине пытался примириться с самим собой прежним. Позже, стерпев все унижения, он дождался до возраста прохождения обряда совершеннолетия и отправился в свой удел в область Юнчжоу.

Ван, вы почему здесь?!... Ой, ой... эм... мы думали, вы будете встречать праздник во дворце, а после вашего ухода нас выгнали, вот мы и вернулись. — Совесть У Юя была нечиста, и с каждым словом голос его становился все тише.

Уже после того, как Тан Ли и остальные ушли, У Юй остался в комнате, но вскоре снова почувствовал духоту. Вспомнив прохладный вечерний ветерок Деревни Сяоцзин, он захотел выйти и подышать свежим воздухом.

Кто бы мог подумать, что он нос к носу столкнется с Суй Муханем.

— О вот как?

Сердце У Юя пропустило удар. Эта фраза, этот тон — почему они звучали так знакомо?

— Где был куплен этот фонарь? — указав на тот самый фонарь, которым только что любовался, спросил Суй Мухань.

— Этот? — У Юй поднял взгляд. — Хозяин лавки заметил, что я беру много фонарей, и подарил в придачу белый бумажный. Я заметил, что на остальных есть рисунки, и, вернувшись, от скуки разрисовал этот выделяющийся белый фонарь. Не смею насмехаться над вашим вниманием. — У Юй подумал про себя: неужели этот рисунок вышел настолько уродливым, что даже ван смотреть на него не может?

— Нарисованный здесь лотос довольно необычен. Почему он сильный? Я еще никогда не видел подобных разновидностей.

Докладываю вану, это... Лотос Шидань... Он и древний цветок, и прекрасное лекарство...

На белоснежном фонаре красовалось пять-шесть миниатюрных бледно-голубых цветков с серединками нежно-желтого оттенка, а по водной глади плыли темно-зеленые листья, придающие цветкам особую изящность и неповторимость.

Откуда ты это знаешь? — с подозрением глядя на У Юя, спросил Суй Мухань.

А? Ха... ха... Просто простому народу нравится изучать цветы и травы, вот и услышал краем уха. — У Юй испугался и чуть было не сболтнул лишнего.

Этот Лотос Шидань существовал триста лет назад и уже давно вымер, а те, кто видел его вживую на этом свете, давно обратились в прах.

Суй Мухань не стал дальше допытываться у У Юя — к его склонности нести всякую чушь он уже успел привыкнуть.

У каждого есть множество секретов: кто-то прячет их глубоко внутри, а кто-то совершает промах за промахом.

Порыв ветра заставил фонари во дворе закачаться, пламя свечей внутри затрепетало, то затухая, то разгораясь с новой силой.

Нарисованный У Юем фонарь был привязан непрочно, ветер задул пламя внутри, и казалось, он вот-вот сорвется с ветки.

— Беда! — У Юй хотел поймать фонарь, но двигался недостаточно проворно, и было уже слишком поздно.

Суй Мухань легко взмыл в воздух и уверенно поймал фонарь на лету.

Прошу вана о снисхождении, виноват, по своей рассеянности испортил вану настроение.

Ничего страшного. — Суй Мухань, похоже, проникся симпатией к этому фонарю и вовсе не собирался никого наказывать.

Сегодня праздник Середины осени, и благодаря великой милости вана У Юй не знает, как отблагодарить вас. Позвольте же преподнести этот фонарь вану в знак заимствованных у Будды цветов, надеюсь, ван не побрезгует.

На лице Суй Муханя промелькнуло странное выражение. Стоящий перед ним человек был столь наивен и глуп или же преследовал скрытые цели, раз смел говорить с ним подобным образом? Преподнести в подарок ему? Смешно, неужели ему нужны чьи-то подачки?!

Он совершенно не нуждался в чьей-то фальшивой привязанности, все эти люди в его глазах были лишь букашками, какое они имели право вести себя так дерзко?

Суй Мухань вдруг осознал, что в последнее время он и впрямь изменился по отношению к У Юю, став чуточку не похожим на самого себя прежнего.

Его взгляд помрачнел, и он внезапно разжал пальцы. Фонарь рухнул на землю.

Немедленно уберите весь этот хлам! — холодно бросил он, наступил на фонарь сапогом и повернулся, чтобы уйти.

В тот же миг У Юй словно вновь оказался в ледящем до костей горной пещере. Он окаменел и замер на месте, не в силах сдвинуться.

Как же он самонадеян! Кто такой Суй Мухань? А он позабыл о своем происхождении и возомнил, будто после поездки в одной с ним карете этот высокомерный Семнадцатый Ван удостоит его хотя бы мимолетным взглядом?

У Юй горько усмехнулся, в горле вдруг зашипало от подступившей горечи. Он наклонился и бережно поднял примятый фонарь — на нем виднелись некрашенные темные следы.

Он закусил побелевшие губы и медленно поднял глаза на всё еще сияющую в небе полную луну.

<http://bllate.org/book/21880/2272357>